

1960 год.
У гроба
Пастернака они
тоже стояли
рядом: крайняя
справа,
блондинка,
Ольга Попова,
рядом с ней -
Ольга
Ивинская.

Пастернак Борис Леонидович

Это письмо Бориса Пастернака, написанное 45 лет назад, никогда не публиковалось адресатом. «Дорогая Люсенька! Никогда! Н. (Х? К?) В. ждет, но я под натиском потребности написать Вам, хотя мы скоро уедем. Во-первых, друг мой, я страшно благодарен Вам за желание иметь мои стихи - это награда. Я сразу же пришлю, как отпечатают Т. Я в неоплатном долгу у Вас. Я рад доставить Вам удовольствие; я дважды обязан Вам счастьем, а это больше, чем жизнью. Меня озорывает Ваше письмо. Не ставьте себе рамок и презирайте, отвергайте угрозы пошлой тупости. Пошли Господь Вам мужества оставаться собой. Верьте мне - Вы имеете на это право. Я люблю Вас за светлый ум и щедрое, чистое сердце. Храни Вас Бог. Ваш Б. Пастернак».

Адресат - знаменитая Ольга Ильинична Попова, которую все звали Люсей, друг и поверенная в любви между Борисом Пастернаком и Ольгой Ивинской. Ольга Ильинична Попова, художник-график, - из рода потомственных русских инженеров. Дед - крупный путеводитель и друг известные железнодорожные ветки. Мать работала в Наркомпросе вместе с Надеждой Крупской и Марией Ульяновой, однако от членства в ВКП(б) отказалась. Говорила, что не понимает принципа коллективной ответственности, зная принцип ответственности личной. Ранняя юность Ольги-Люси Поповой прошла в городе Медвежья Гора, где заключенные строили Беломоро-Балтийский канал. Каналу мешала железная дорога, деду, как главному инженеру, был поручен перенос трассы. И хотя контакты с заключенными были запрещены, общение девочки с незарядными людьми, философия, богословие, любительские поэзии и искусство духовной и душевной работе. Попова никогда не выступала с воспоминаниями и не давала интервью.

ЗА ГРОБОМ ПАСТЕРНАКА рядом шли две женщины...

Одна из них, подруга великого поэта Ольга Попова, первое в жизни интервью дала «Комсомолке»

остается, что-то должно остаться, а ей так обаян. Короче, я ему говорю: ну это вам повезло, что это не я, что у нас нет никаких романтических отношений. Он отвечает с такой непосредственностью: да, да, да, как хорошо, что у нас нет романтических отношений... Он был очаровательный.

- Злопыхатели говорили, что Ивинская хитрая...

- Ерунда. Она не дура совсем. Но сказать, что хитрая, - нет. Мы как-то идем с Еленой Михайловной Тагер, переводчицей, через мост возле «Ударника», и она говорит: Ивинской льстит, что это Пастернак... Я говорю: знаете, за лесть столько пережить - она его любит. Тагер говорит: мы с вами тоже его любим, но мы же не лезем к нему в постель. Я говорю: не знаю, как вас - меня он не приглашал.

- А какая разница была между женщинами? Между Зинаидой Николаевной, женой и любовницей?

- Огромная. Давайте я расскажу вам, как увидела Зинаиду Николаевну первый раз. Мы договорились с Пастернаком, что я приеду, и приехала в Перedelкино. На даче, в огороде возится Зинаида Николаевна. Смерила меня с головы до пят: вы по делу или просто так? Я говорю: я просто так, но мне назначено. Она говорит: он забыл, он не придет. Но он скоро пришел. И мы пошли гулять.

- Волновались, когда ехали? Или все было просто?

- Просто. Во-первых, он сам захотел со мной побеседовать. На вечер в университете я написала ему две записки: о его отношении к Толстому и Достоевскому и что-то насчет философа Соловьева. Была такая черная сумка дерматиновая с молнией, куда он запихивал записки, включая

можно. Речь была не логическая, а спонтанная, повороты мысли неожиданные. Он не был ни на кого похож. Совершенно из ряда вон.

Потом мы стали встречаться. Зинаида Николаевна отнеслась к этому скептически. Она спрашивала: скажите, вы где-нибудь работаете, что-нибудь делаете?

- Она была высокомерна?

- Нет. Она была трезвый человек. Она очень хорошо вела дом, у нее все было в порядке, чистота-красота, вовремя еда, все на месте. Он говорил: Люся, я так люблю Зину, у нее такие большие руки. Мне бы не было так лестно, если бы мне сказали, что любят меня за больные руки. Но я поняла его выражение. Ему это было нужно. Ну поскольку Зинаида Николаевна так ко мне относилась, когда ему будет удобно и захочется, он мне позвонит. Чем я ему подходила? Наверное, тем, что была ему несомненно важна и была благодарным слушателем. И вдруг получаю открытку от него: я буду тогда-то дома, приходите. Я поехала в Перedelкино. Он меня встретил у калитки. Ждал. И первое его слово было: Люся, я полюбил...

Об Ивинской говорили, что она его секретарь и что норовила что-то ханнуть. Все вранье. Я Пастернака спросила: а что же теперь будет с вашей жизнью? Это же не интрижка! Он говорит: да, да, а что такое жизнь? И стал рассказывать, какая она хорошая, как она ему нравится: она такая золотая, я хочу, чтобы вы познакомились, чтобы подружиться, вот телефон, я ей дал ваш, созвонитесь, встретитесь, потом расскажете мне, что вы думаете. Мы созвонились и встретились.

Она заведовала работой с молодыми авторами в журнале «Новый мир». Очень женственная. В отличие от Зинаиды Николаевны, которая была собранный, твердый человек, мужественный, и красота ее мужественная, такого типа, как у актрисы Тоголевой, помните? А Люся мягкая, милая. Она умела быть тем, чем надо в данный момент, - чисто женское качество. Мне она понравилась. Я ему сказала. Он был в полном восторге. У него была такая голубая мечта, чтобы все сидели на веранде, и Зинаида Николаевна, и Олюшка, и Евгения Владимировна, первая жена, - то, что никогда неосуществимо. Он не хотел причинить горе никому. Но причинил.

- И вы стали подругами?

- Мы стали подругами. И до конца ее дней оставались. Последний раз, когда я ее видела, она задыхалась, умирала: рак. Говорила: Люся, я ведь не доживу до нашего 50-летия. Мы с 46-го года дружили. Недели две не дожила.

- И никогда не ссорились?

- Не ссорились. Некоторая напряженность была поначалу. Она мне говорила: Люся, мы так редко видимся с Борисом Леонидовичем, не могла бы ты как-нибудь сократить свое присутствие в его жизни? Мне было очень жалко, я даже заплакала. Но я хорошо ее поняла. И чуть что, стала смышляться. Спрашиваю: теперь ты довольна? Она говорит: да, хотя я часто подолгу слушаю про тебя.

- Она не ревновала вас?

- Нет. Но досада на то место, что я занимаю, нет-нет, а пробегала.

- А когда стало известно об их романе?

- Он ничего не хранил. Это было известно всем. Сразу же. Он становился на колени перед ней на Пушкинской площа-

ди. И говорил: пусть думают, что это кинотемка.

А потом Люсю арестовали. Я ходила на допрос, меня вызывал следователь. Спрашивал не про Люсю, хотя забрали ее, а про Бориса Леонидовича, его называли английским шпионом. Улыбчивый такой следователь Семенов, стучал по столу и говорил: ваше место рядом с вашей подругой. Ее взяли, когда она была беременна. От Пастернака. И на Лубянке у нее был выкидыш.

- Пастернак знал это?

- Он знал еще до ареста. Она как-то пришла ко мне в неважном состоянии и говорит: я хочу поговорить с Борей. А тогда Ленечка, его сын, заболел, и Зинаида Николаевна над его кроватью взяла с Бориса Леонидовича слово, что он больше с Ивинской встречаться не будет. Короче, пошла я по Люсиной просьбе к ним в Лаврушинский. Прихожу, все Борису Леонидовичу говорю, а Зинаида Николаевна говорит: никуда

тебе ходить не надо, я пойду к ней сама.

- Вы рассказывали при Зинаиде Николаевне?

- Она вошла, я не стала прерываться. Я говорю: она больна. А Зинаида Николаевна: знаем мы эти болезни. Мне не очень хотелось, чтобы она шла, но она пошла. А Борис Леонидович выскакивал на лестницу и говорил: Зина, только будь добра! Ну сказать, что она была чересчур добра, я не могу. Но она и скандала не устроила. Я вышла из комнаты, но так как квартира коммунальная и деться мне некуда, я слышала их разговор. Зинаида Николаевна сказала четко: вы женщина молодая, у вас что-то еще будет в жизни, а у меня семья, и я вам это все не уступлю, учтите, я буду бороться. А Люся «тактично» говорила: он вас не любит, он любит меня. На том расстались. Люся стало пло-

хо совсем, она перед встречей наплоталась, чтобы успокоиться, лекарств. Вызвали «Скорую», «Скорая» зафиксировала попытку самоубийства...

- И так они не виделись до ее ареста?

- Я не знаю. Не помню. Люся отсидела три с половиной года. Все время Борис Леонидович помогал ее семье. А потом они встретились. И все вернулось. И когда говорят, что он не хотел ее видеть, когда умирает, - не думаю. Он плохо выглядел, и я думаю, поэтому еще не хотел, чтоб Люся видела его в таком виде.

- Каким было прощание?

- Люся пришла и сидела на скамейке около дома, рядом сел Паустовский. Когда Бориса Леонидовича вынесли, подкатил похоронный автобус, и гроб хотели поставить в автобус, а люди не дали и несли его на руках до самого кладбища. Когда процессия тронулась, мне было непременно очевидно, что Люся тут должна быть, и мы с ней вивом так и прошли весь путь рядом. Умолили она простилась с ним, и все. Я ревела. А когда опускали гроб, зазвонили колокола - чистое совпадение, но... - Потом ведь ее второй раз посадили?

- Через два месяца. За контрабанду. За то, что она получала гонорары Бориса Леонидовича по его просьбе. Не валютной - рублями. А первый раз сидела по статье 58-10: Пастернак - английский шпион, а она любила Пастернака, чуждого нам, а Суркова, близкого нам, она не любила. Потом я ходила хлопотать о ее освобождении, говорила, что ее имя связано с именем известного поэта Пастернака. А чиновник мне сказал: известный поэт, а выйдите из здания, спросите, кто-нибудь его знает?..

Поэт и Муза (Борис Пастернак и Ольга Ивинская).

Ольга КУЧКИНА.

Письма Ольги Ивинской из лагеря в Потье (Мордовская АССР)

Публикуются впервые

...Все будто с ним последний разговор не окончен. Последнее распоряжение не выполнено. На могилу тоже мне вдруг захотелось. На закате. И вдруг заплакать так, как еще не удалось - плакать от облегчения, от усталости. И так я еще ведь не плакала. Еще ведь была как пришибленная, еще ведь даже в смерть его не поверила как следует...

...Но спасает сознание, что все же я очень была счастлива - и даже ведь долго, и уже, по совести, хва-тит...

...Ох, Люсенька! Как еще еще не утряслось, когда меня от Вас оторвали, какая я ехала другая: не осталось все-таки ощущение, что я еще живой представитель, и пока не засыпали землей - я еще не только я, но и он...

Милый Люсенька. Я надумалась - может, к Федину сходить - он депутат маминского района и все знает, и в вечер, когда Боря хотел умереть, я пришла к нему...

ЦК, ШЕЛЕПИНУ от Ивинской О. В. осужд. за «контрабанду» (ст. 15, срок 8 лет) 7. XII. 60 года.

Письма.

Прошу Вашего содействия в пересмотре моего срока. Я получила в 60-м году 8 лет тюрьмы. Тогда режим в лагере был слабее, а сейчас такие сроки, как у меня, дают только настоящим преступникам - убийцам, растратчикам, валютчикам и спекулянтам. Я к ним не принадлежу. Борис Леонидович решил получить гонорары таким образом, который ямен мне - в 58 году; это было его личным решением. Ни он, ни я не думали, что в способе передачи есть уголовное преступление... Я виновата, если виноват Б. Л., но я не инициатор и на следствии переоценена моя роль как злого духа. Я очень много сделала, чтобы этого всего избежать, но Б. Л. не хотел этого, а не делить его решений, распоряжений и вины я не могла. Мы слишком друг друга любили, слишком были связаны. Не поддерживать его я не могла... Прошу Вас содействовать в возвращении меня к жизни. Я была близким, самым близким человеком замечательного русского поэта, а он бы умер второй раз, если бы увидел, что со мной сделали и в какой обстановке я обречена умирать... О. Ивинская. 20.X.62 г. (Вариант жалобы, посланный Люсе Поповой).

Люсенька, родная моя! Умница ты у меня - лучше тебя никто не написал мне в это 30-е число. Я тоже наплакалась и все пришло снова - стихотвор. это Тютчева (речь о стихотворении Тютчева «Вот бреду я вдоль большой дороги» - Авт.). Боря любил, знаю; когда он читал его (раз), у него дрожали губы и в середине замолчал. Один раз это было... И как мы хотели не думать, что смерть может разлучить, как он был спокоен, что ничто не разлучит. И вот, видимо, надо было не удерживать мне его: умереть вдовом, как он хотел, в разгар скандала. А все женская погоня за счастьем - все отпугнуть, все еще жить, все еще порадоваться...

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

Пастернак Борис Леонидович. Родился 29 января (10 февраля по новому стилю) 1890 года в Москве в семье известного художника. В 1908 году окончил классическую гимназию, в 1913-м - философское отделение историко-филологического факультета Московского университета. Стихи начал писать в 1909 году, но не придавал им большого значения, собирая стать музыкантом.

Первая жена - Евгения Владимировна, художница. Вторая - Зинаида Николаевна, ее Пастернак «увел» у своего друга, известного пианиста Генриха Нейгауза. За роман «Доктор Живаго» удостоен Нобелевской премии и исключен из Союза писателей СССР. В результате травли, устроенной советской властью, вынужден был от премии отказаться.

Умер 30 мая 1960 года. В некрологе о нем было сказано: «член Литфонда».

Р.С. от Бориса Пастернака

Ты так же сбрасываешь платье, Как рождя сбрасывает листья, Когда ты падаешь в объятье В халате с шелковой кистью.

Ты - благо гибельного шага, Когда житей тошней недуга, А корень красоты - отвaga, И это тянет нас друг к другу.

(Из стихотворения «Осен», посвященного Ольге Ивинской. 1949 год.)